

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 22

1984

Тураб ТУЛА

**СЛОВО
СТАРОГО ЧИНАРА**

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 22

Тураб ТУЛА

**СЛОВО
СТАРОВОГО ЧИНАРА**

СТИХИ

Перевод с узбекского Сергея СЕВЕРЦЕВА

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1984

Тураб ТУЛА

Тураб Тула (Тураб Тулаходжаев) родился в 1918 году в селе Турбат Южно-Казахстанской области. Учился в Ташкентском театральном техникуме, а затем продолжил учебу в пединституте имени Низами. Работал в редакциях газеты «Еш ленинчи», «Совет Узбекистони», на радио, в Узгосиздате, на студии «Узбекфильм», был секретарем Союза кинематографистов Узбекистана, начальником Главного управления театров и музыкальных учреждений Министерства культуры республики. Член КПСС.

Литературным творчеством занимается с 1934 года. Первый его сборник стихов вышел в 1939 году. Второй сборник, «Моя радость», увидел свет спустя три года. За ним последовали сборники «Улыбка», «Рассвет счастья», «Окрыляйтесь, мои песни», «Наслаждение», «Ненаглядная». Им написано несколько поэм, в том числе «Приговор эпохи». Несколько сборников стихов Тураба Тулы изданы в Ташкенте и Москве на русском языке. Среди них «Звени, моя песня», «Маки на крыше», «Дойра», «Тайна моих струн», «Лирика». По сценариям Тураба Тулы сняты художественные фильмы «Фуркат», «Очарован тобой», «Шашмаком». Он является также автором текстов многочисленных песен и кантат.

За последние годы Тураб Тула создал несколько пьес, которые шли на сценах театров республики: «Старая дева», «Девичий источник», «Материнское поле» (по повести Ч. Айтматова), «Надира-бегим». Он также автор либретто оперы «Свет во мраке» (по мотивам романа Айбека «Священная кровь») и либретто балета «Самаркандская легенда». В переводе Тураба Тулы изданы «Укрощение строптивой» В. Шекспира, «Мария Стюарт» Ф. Шиллера, произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, И. Крылова, Я. Коласа и других поэтов. В 1958 году вышел однотомник избранных произведений Тураба Тулы, а в 1970 году Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма выпустило трехтомник поэта, куда вошли его поэтические и драматические произведения.

За заслуги в области литературы Тураб Тула награжден орденами и медалями. Ему присвоено почетное звание Народный писатель Узбекистана.

СМЕРТЬ БОЙЦА

Вздрыгнул, пошатнулся и упал...
Взор угас... Устало сердце биться...
Словно сном тоскливым засыпал —
Влагой слез подернулись ресницы.
И сраженный, из последних сил
Руки он раскинул, цепenea, —
Словно всю страну обнять решил,
Не желая расставаться с нею.
В глубь ее израненных корней
Соки влил своей горячей жизни,
Кровью на святой груди Отчизны
Расписался в верности своей.

СНОВА МЧУСЬ Я К ТЕБЕ

Снова сердце тоскует о встрече с тобой,
Снова ноги я вдел в стремена,
И покрытой цветами дорогой степной
Снова мчусь я к тебе, Фергана!
Будто стадо усталых верблюдов лежит —
Цепи гор протянулись вдали,
А себе я песчинкой кажусь, что скользит
По одеждам любимой земли.
Распахнулись врата неприветливых гор,
Сразу в сказочный край я проник:
Предо мной, Фергана, как узорный ковер,
Развернулся твой райский цветник.
Разодета в цветы, в луговые шелка,
В полосатых полях бекасам,
Ты знакомой красавицей издалека
Показалась влюбленным глазам.
И попав в этот свежий, приветливый сад
После знойных, пустынных дорог,

На твою красоту, на роскошный наряд
Я глядел, наглядеться не мог.
Это блещут арыки в тенистых садах —
Или локоны вьются твои?
Это ветки граната в багряных плодах —
Или губы смеются твои?
Реют быстрые ласточки над Сыр-Дарьей —
Или брови лукавят твои?
Свежий ветер играет с душистой листвой —
Или слышится шепот любви?
Шахрихон, извиваясь, вдали забурлил —
Или косы ты с песней плетешь?
Белоглавый Тянь-Шань мне объятья раскрыл —
Или друга ты пылко зовешь?
Треплет ветер меня по лицу озорной —
Или пестрой косынки края?
Над долиной — улыбка зари золотой,
Это ты, дорогая моя!..
Снова встретились мы! Снова в сердце возник
Гордый пыл вдохновений былых.
Здравствуй, пери поэзии — вечный родник
Всех стихов и мечтаний моих!
Жди меня, о возлюбленная Фергана,
Снова ноги я вдел в стремена!

СЛОВО СТАРОГО ЧИНАРА

Что ты дивишься на меня, поэт?
Чем поразить я смог тебя, не знаю...
Не тем ли, что живу я сотни лет
И свысока на этот мирзираю?
Дивишься на шатер густых ветвей,
На гордый ствол, что, как железо, крепко?
Да, не боюсь я ни морозных дней,
Ни летних бурь, палящих и свирепых.
И вправду, я красив и горделив:
Стою, несокрушимый, непокорный,
Глубоко в землю щедрую вонзив
Свои кривые, жилистые корни.
Судьбою мне отпущен долгий срок.
Но что с того? Какой я след оставляю?
Чем каравану жизни я помог?
Каким себя деянием прославлю?
Мне жить бесплодно до последних дней,—
Такому долголетью не завидую.

Насколько жизнь богаче у людей —
Об этом часто думаю с обидой.
Творить добро, сражаться против зла,—
Какой бы полной жизнь моя была!

КОГДА НАСТУПАЕТ ВЕЧЕР

Вечер настал. По земле разливается отдых.
В сумерках трудолюбивые дремлют поля...
Будто в раздумье о наших трудах и заботах,
Шепчет тихонько,

шепчет,

шепчет земля.

Вечер сгустился, прохладой живительной вея,
Будто струится ручей, то скользя, то бурля.
Слышат сердца, как все радостнее, все вольнее
Шепчет тихонько,

шепчет,

шепчет земля.

Небо завидует нашим долинам зеленым,
Ветер деревья ласкает, листья шевеля...
— Как удивительна жизнь! — горячо, восхищенно
Шепчет тихонько,

шепчет,

шепчет земля.

Месяц на дальние пастбища пролил сиянье,
В травах рассыпались брызги росы-хрусталия.
Дня прожитого считая труды и деянья,
Шепчет тихонько,

шепчет,

шепчет земля.

Кончился день... А вдали, из-за горного края,
Новый встает, продолжение жизни суля...
С тайным волнением нового дня ожидая,
Шепчет тихонько,

шепчет,

шепчет земля.

Полночь близка. На сады опускаются звезды,
Золотом брызнув на яблони и тополя.
Словно от счастья трепещет и зыблется воздух —
Шепчет тихонько,

шепчет,

шепчет земля.

Родина, сердце мое ты возносишь все выше,
Жить я хочу, твой простор бесконечно хваля!

И не мою ли счастливую песню услышав,
Шепчет тихонько,
шепчет,
шепчет земля?..

НА РАССВЕТЕ

Рассвет... Прозрачная прохлада...
Хлопчатник сбрызнула роса...
Чу! В робкий шорох листопада
Другие вкрались голоса:
То словно тихий смех ребенка,
То осторожный звон стекла,
То будто плачет тонко-тонко
Фарфоровая пиала...
Вгляни туда, где вдоль тропинки
Хлопчатник выстроился в ряд:
Как будто струны-невидимки,
Коробочки его звенят.
И раскрываются — и словно
Пришел свиданья сладкий час,
На мир любуются безмолвно
Десятками счастливых глаз.
А на листочках, как живые,
Жемчужинки росы висят,
Точь-в-точь колечки золотые
В ушах у девушек блестят!

ЛУННЫЙ РОДНИК

Освежи мою душу, о лунный родник,
Голубой Ойбулак — вечно юный родник!
Сколько чистых мелодий струится в тебе,
Как я слушать люблю твои струны, родник!
Дай надежду душе истомленной моей,
Дай надежду, предчувствием счастья согрей,
И тебе я поведаю тайну свою,
О которой молчу вот уж тысячу дней.
Сбереги мою тайну и в песнь преврати,
А потом эту песнь по теченью пусти,
Чтоб отрада моя, вдоль ручья проходя,
Услыхав, обернулась хоть раз по пути.

Обернется хоть раз — и довольно с меня,
Душу ей обовьет эта песня, звеня!
О любви, о безумной надежде моей
Будет помнить красавица с этого дня.

ТАИНА МОИХ СТРУН

Есть тайна у дутара моего —
Чудесней, чем любое колдовство.
На длинном грифе две струны певучих,
А между ними — тайное родство.
Играю на одной, и сразу вторит
Другая, как живое существо.
Их, как Тахира и Зухру, навеки
Любовное связало волшебство.
О, как несчастен в жизни одинокий,
Никто не вторит голосу его!..
Есть тайна у дутара моего,
Без тайн мертво любое ремесло.

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

1

Второе рождение

Закон природы — беспристрастно строг:
Нет места в нем ни злу, ни милосердию.
Хоть и печально, каждому в свой срок
Пора приходит встретиться со смертью.
Но для певца, что истинно велик,
Чье слово блещет в памяти народа,
Вторым рождением будет этот миг, —
Не властна над бессмертием природа.

2

Закон природы

Говорят, всё меняется, все непрерывно течет,
Но не может исчезнуть, не может в ничто превратиться.
Я из жизни уйду, а разрушенной плоти частицы
Возвратятся в природы медлительный круговорот.
Если в будущем стать суждено мне железной рудой,
Из меня не оружие сделайте — рельсы стальные,
И пускай поезда, устремляясь в просторы родные,
Надо мною гудят и веселой бегут чередой.

ТРИ ГАЗЕЛИ

1

Увидел тебя — стало тяжело душе:
с тобой повидаться опять я хочу.
Отрада моя, на цветущем лугу
следы твоих ног отыскать я хочу.
Скажи, дорогая, каким колдовством
к себе ты сумела меня приковать?
Куда б ты ни шла, за тобою идти,
сквозь слезы тебя различать я хочу.
Сегодня ты близко, ты рядом со мной,
тебя уже видел я тысячи раз.
И все же на облик пленительный твой
взирать, бесконечно взирать я хочу.
Найти не могу подходящих слов,
чтоб выразить пылкие чувства мои,
Но даже безмолвно у двери твоей
стоять, бесконечно стоять я хочу.
Наверно, любимая, все, кроме нас,
уже догадались о нашей любви,
А ты догадалась, а ты поняла?
Не знаю об этом, но знать я хочу.

2

Что ты в душе скрываешь, чаровница:
решимость ли, сомненье,— не узнать,
В глазах таится холод равнодушья
иль прячется волненье,— не узнать.
Вчера прошла ты мимо, не заметив,
иль притворилась, что меня не видишь,
Случайным было или не случайным
твое пренебрежение,— не узнать.
Сегодня ты так ласково встречаешь,
что был бы рад к ногам твоим упасть я,
Но эта нежность — искренность ли сердца,
простое ли почтение,— не узнать.
Ты в тишине задумчивой проходишь,
а следом еле слышный звон струится:
Сердец ли приглушенные рыдания,
счастливое ли пенье,— не узнать.

Прекрасен, но загадочен твой облик,
 гляжу, гляжу — и разгадать не в силах:
Передо мной — моя любовь и радость
 иль вечное мученье,— не узнать.

3

Мне в душу бросив горсть лучей,
 мой разум ты кипеть заставила,
Меня, как многострунный саз,
 восторженно звенеть заставила.
Вонзившись в небеса души
 кинжалом молнии горящей,
Как птицу, сердце ты мое
 затрепетать, взлететь заставила.
Заколдовав, покой отняв,
 ты скрыться от меня решила,—
При взгляде на твои следы
 меня тоской гореть заставила.
Ужель так дорог каждый взгляд
 тому, кто жаждет новой встречи?
Меня тайком из-за оград
 ты в каждый сад глядеть заставила.
Теперь я знаю: выше звезд,
 громადней гор любовь Меджнуна!
Всем встречным о тебе одной
 меня ты звонко петь заставила.

УЛИЦЫ

(песня)

Улицы,
Улицы,
Лунные улицы!
Почему вы такие красивые, улицы?
Ах, не здесь ли беспечной походкой прошла
Та, что душу зажгла, мой покой унесла?
Не скрывайтесь, признайтесь, счастливые улицы,
Почему вы такие красивые,
Улицы,
Лунные улицы?

Улицы,
Улицы,
Длинные улицы!

Помогите страдальцу влюбленному, улицы!
Мне тайком укажите дорогу ее,
Проводите украдкой к порогу ее,
Подведите к окну освещенному, улицы!
Помогите страдальцу влюбленному,
Улицы,
Длинные улицы!

Улицы,
Улицы,
Милые улицы!
Проводите меня к той красавице, улицы!
Не гасите созвездья огней-фонарей,
До заветных дверей проводите скорей,
Ах, от страсти готов я расплавиться, улицы!
Проводите меня к той красавице,
Улицы,
Милые улицы!..

ДУМЫ У МОЕГО ОКНА

Где ты, души моей услада?
Я жду...
Явись ко мне скорей,
Разлейся вешним ароматом
В саду поэзии моей.
Приди ко мне!
Что хочешь делай —
Резвись и смейся от души,
Врывайся ветром шаловливым,
Мои бумаги вороши!
Кто ты? Кто ты?
Откуда ты? И почему
Ты лишь дразнящей невидимкой
К окну подходишь моему?
Зачем душистым, мягким ветром
Ты плечи обнимаешь мне?
Зачем весеннею тревогой
Ты душу наполняешь мне?
Порой, как будто забавляясь,
Украдкой стукнешь мне в окно,
Хочу поймать тебя, но тщетно:
Ты ускользаешь все равно.

Порой по веткам пробегаешь,
Рождая радостную дрожь,
И про счастливый край влюбленных
Чуть слышной арфой поешь...
Кто ты такая?.. Я не знаю...
Когда зовешь издалика,
В сердцах у юношей — томленье,
В глазах у девушек — тоска.
Когда же ветром вдохновенья
Пронизываешь грудь мою,
Заворожен и околдован,
Лишь о тебе одной пою!..
Зачем волшебницей лукавой
Вокруг меня блуждаешь ты?
Зачем пугливые вопросы
В душе моей рождаешь ты?
Как звать тебя? Кто ты такая?..
То золотым весенним днем
Цветами — платьем белоснежным —
Оденешь вишню за окном.
То звонкой птицей сев на ветку,
Ее качнешь — и упорхнешь,
То ароматом влажной мяты
В лицо дохнешь — и ускользнешь,
То голубым каналом льнешься
И отражаешь деревца,
И сказками Шехерезады
Журчишь, струишься без конца...
То солнце тучами закроешь
И загремишь в горах грозой,
То, словно радужные серьги,
Повиснешь на цветах росой.
То ласточкою острокрылой
В гнездо уносишься стремглав,
То песней жаворонка решишь
Над солнечным разливом трав!
То запахом джиды повеешь,
То над задумчивой водой
Серебряные косы свесишь
Плакучей ивы молодой,
То тысячами ярких маков
Глядишь из луговой травы,
То волосы себе повяжешь
Платком небесной синевы...

— Довольно!
Брось играть со мною!
Довольно! Хватит колдовать!
Зачем меня ты заставляешь
Так долго ждать и тосковать?
Уж и стихи мои томятся —
Желанной встречи заждались!
Прошу тебя: не прячься больше
И наяву ко мне явись! —
Так повторял, как одержимый,
Так умолял я много дней...
И сжалиться она решила,
И снизошла к мольбе моей.
Исполнилось желанье сердца!
И вот однажды поутру,
Ступая по степным тюльпанам,
Как по узорному ковру,
Она пришла:
Не гордой пери —
Простою девушкою с гор,
Приветливой, красивой, стройной,
С весенним именем — Бахор.
Вот ты какая!
Молодая,
Полна лукавства и огня!..
Так ты и есть та чаровница,
Что столько мучила меня?
Так это ты и днем и ночью
Играла мною, как могла,
И душу сладким наважденьем
Томила, изводила, жгла?..
Вот ты какая!
Огневая,
Вся полная весенних сил!
Такой — еще в глаза не видел —
Тебя я знал, тебя любил.
Дай руку,
Будь моей подругой,
Постой, не рвись, не уходи,
В свои сады — в свой край цветущий —
Меня отсюда уведи!
Пускай, увидев наше счастье,
Изумлены, посрамлены,
От зависти язык прикусят
Все сплетники и болтуны.

Дай обниму тебя,
И вместе
Отправимся в сады твои!
Люби меня..
А я представлю
Все доказательства любви!
Захочешь —
И тебе под ноги
Ковром тюльпанов расстелюсь,
В твои змеящиеся косы
Багряной лентою вплетусь.
Захочешь —
Превращусь у дома
В прохладный, чистый ручеек
Иль ветром мимолетным стану
С утра твой подметать порог.
Петь под окном твоим я буду,
Бросая вызов соловью.
Под мирной кровлею твоею
Гнездо, как ласточка, совью.
Душистой яблоневою веткой
Я расцвету в твоём саду,
Когда ж плодом румяным стану,
К ногам любимой упаду.
Преображен твоей любовью,
Как сад — нахлынувшей весной,
Цвести и зреть еще щедрее
Я буду на земле родной.
Весь, без остатка, бурным ливнем
Впитаюсь в родину свою,
А день придет —
Ключом кристалльным
Я из ее груди забью!
Хочу, чтоб жизнь моя пылала,
Как жизнь твоя — одним огнем!
Пусть, как стремительные волны,
Бегут, уходят день за днем,
Но лишь бы ты не уходила —
Всегда, всегда была вблизи!
Играй, колдуй, о чаровница,
Всю жизнь мою преобрази,
Весенней бурей стань
И настужь
Все окна сердца распахни,
В моей судьбе,

В страданиях и в борьбе
Крутых высот достиг ты,
А нас к тебе волна
 восторга подняла.
И до чего легко —
 без всякого усилья —
По светлой лестнице
Ты нам взойти помог:
Нас подняли к тебе,
Как молодые крылья,
Напевы звучные
 твоих бунтарских строк!
Над берегом Днепра
Тебя узнал я сразу,
Еще на гордые ступени не ступив.
Казалось:
 в высоте,
 в лазури ясноглазой,
Орлом проносится
 твой песенный порыв, —
То над украинской землею разносились
Напевы вещей струн,
Звон золотой строки...
Ты к нам был устремлен,
А мы к тебе стремились —
Потомки вольные,
 твои ученики.
И радость ширилась,
 и волны песнопений,
И, как на крыльях, устремленных ввысь,
К подножью твоему
По тысяче ступеней
Легко мы,
 словно птицы,
 поднялись!

ЛОПНУВШИЙ БУБЕН

*Узбекскому дойристу Кахрамону
Дадаеву, игравшему на берегу
Каспия.*

Над плоскими крышами улиц бакинских
Узбекская песнь загремела с утра, —
В эфире,

Как хор голосов исполинских,
Рассыпала звуки тугая дойра.
И диву давались на улицах люди:
Как много звучаний у этой дойры!
Друг с другом шепчась о неслыханном чуде,
Качались деревья на склоне горы.
Фонтаны-красавцы все выше взметались,
Как будто старались на праздник взглянуть,
Плакучие ивы все ниже склонялись
И слушали молча, не смея вздохнуть.
А с Каспия неся торжественный рокот,
Толпы рукоплещущей радостный гром,—
То бурные волны,
Катясь издалёка,
Вдоль берега праздничным стлались ковром.
Весь город,
Залив охватив полукругом,
Внимал, в изумлении оцепенев,
Как в утреннем воздухе, ясном, упругом,
Ликует, взвивается буйный напев!..
А в зале сверкающем,
Встав перед рампой,
Играл вдохновенно дойрист удалой,
И, как мотылек над горящею лампой,
Кружилась дойра над его головой,
То с радостным гулом, то с пылкою дрожью
Порхала в его неустанных руках...
Казалось,
Он справиться с нею не может —
Ее замолчать не заставит никак.
«Довольно! — просил он.—
Уж гости устали!..»
Она же в ответ: «Така-тум, така-тум...»
«Довольно! Оглохнут сидящие в зале...»
Она же в ответ: «Бака-бум, бака-бум...»
И мастера слушать уже не желая,
Забыв, что окончиться песне пора,
Всю звонкую душу свою изливая,
Сама, как живая, гремела дойра!
И в радостном вихре ее вдохновенья,
Как будто в стремительном танце кружась,
Летели мгновенья, летели мгновенья...
Вдруг — резкий удар...
И дойра порвалась!
Все стихло.

Раскатистой бурей оваций
Вскипел от восторга бушующий зал...
Склонился артист
И, решив оправдаться,
Свой бубен порвавшийся всем показал.
Но чудилось:
Буйная песня не смолкла,—
Весь город, весь берег морской охватив,
Она ликовать продолжала,
И долго
Я слышал ее отдаленный мотив...
И думал:
Когда умирать мне придется
И с жизнью расстаться настанет пора,
Пусть сердце мое не от горя порвется,
А от вдохновенья — как эта дойра.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

У памятника двадцати шести бакинским комиссарам

Я только родился, когда вас расстреляли
В предательских песках,
В глухой, зловещей мгле...
Два звука в этот миг безмолвье разорвали —
Два звука раздались
На дрогнувшей земле.
Один был яростнее горного обвала,—
Он смял и растоптал
Ваш пламенный цветник.
В другом родившаяся жизнь торжествовала,—
То был ребенка первый крик!
Срубил вас враги...
Но корни молодые
С узлом корней разрубленных сплелись.
Сгубили вас враги...
Но звезды огневые
На месте звезд загубленных зажглись.
Неистребима жизнь —
Я в это свято верю,
Одна ее волна спешит другой вослед:
Быть может, для того, чтоб возместить потерю,
В тот день трагический
Я родился на свет?
Но разве я один?

— Лучше бы не возвращался ты! —
Сказал, наконец, Турсун откровенно
И крепко ударил себя по колену. —
Лучше бы не возвращался ты!..
Уже шестерых сюда присылали,
И всем шестерым был скорый конец,
Их —

одного за другим —

безжалостно

Вражеский настигал свинец.

Ты — большевик,

ты отважен, я знаю,

Но несговорчивый здесь народ.

Напрасно из города ты приехал —

Седьмая пуля

седьмого ждет!

Наш Каракишлак теперь не узнаешь —

За каждым углом глаза притаились,

У каждой стены наострились уши,

На каждом шагу — врагов западни...

Не люди это, а злые звери —

Звероподобные люди они!

За каждым углом враги поджидают,

Идут-крадутся в глухой ночи,

И даже во сне без конца я вижу:

Идут басмачи, басмачи, басмачи...

Даже во сне стоит предо мною

Этот Кенджа — проклятый урод,

Этот мерзавец чернобородый,

Этот насильник, убийца, скот!

Не думай, друг, что легко мне живется,

Здесь бродит смерть и ночью, и днем...

Как бы не кончились наши патроны

В схватке с коварным этим врагом!..

— А сам-то Кенджу ты этого видел? —

Тапил внезапно его прервал. —

Пора обрубить проклятому лапы,

Доколь будет рыскать этот шакал?

Откуда явился? И чей он родом?

Кто видел его — хоть издалека?

И что он за оборотень коварный,

Бедствием ставший для кишлака?..

— В горах, на Куйташе его гнездовье,—
Раздумья друга прервал раис.—
Зима... Не добраться...
Спускается редко —
Если нужны ему мясо да рис,
Да новая девушка...
— Девушка?..— вспыхнув,
Яростно переспросил Тапил,
И зоркую глубь его глаз упрямых
Горячий блеск на миг затопил.—
Правда ли,
Что с кишлаков окрестных
Налог он девушками берет?
В горы,
 в берлогу свою их увозит,
А там поиграется — да убьет!..

— Что правда, то правда! —
Турсун усмехнулся.—
Конечно, Кенджа и коварен и зол...
Много бедняжек сгубил!
Жестокостью
Даже эмира он превзошел!..

— Сколько же девушек вы отдали?
И как ты терпишь это, раис?..—
Был в гневе Тапил,
Попался бы недруг —
Ему бы горло он перегрыз.—
Да где же мужчины?
Где наши йигиты,*
Которыми славился Каракишлак?
Мы с белым царем совладать сумели,
Что ж мучит нас
 этот мерзкий враг?
Неужто перед каким-то бандитом
Покорно головы мы согнем?
Иль стал кишлак
 тупым и трусливым?..
Митинг завтра же соберем!

— Не время!..
— А почему ж не время?..

* Йигит — джигит, удалец.

Мясо сынок принялся нарезать.
Любуется сыном —

его в свое сердце,
Если б могла, забрала бы мать!
«Устал, похудел...» —
Подумала с грустью,
Руки узлом на коленях сложив.
Потом на глаза навернулись слезы:
«Спасибо еще, что здоров и жив,
Хоть и окончилась юность!..»

И снова
Душу сжимает беззвучный стон:
«Как о любимой своей невесте
Правду ужасную выдержит он?..»

Вот с пловом покончили...

И тогда лишь
Прервать молчанье решилась мать:
— У нечестивца, —
сказала сквозь слезы, —
Ни крошки совести не сыскать!
Теперь и Бахмаль он увез...

Не сразу
Словам беспощадным поверил Тапил...
Мать повторила...
И тут словно молот
Череп внезапно ему раздробил!
Молча застыл он...

Мать испугалась,
Что сердце не выдержит...

А потом
Вздрыгнул Тапил, как от жгучей боли,
И — застонал искривленным ртом.
Бахмаль!..

Та самая, что отрадой
И счастьем была его юных дней!..
Ужель его правда —

и всей его жизни
Надежда рухнула вместе с ней?
Силы уходят...

Туман перед взором...
Казалось, сражен он был наповал...
Ах, есть хоть один
с неразбитым сердцем

Из тех, кто боль любви испытал?

Бахмаль...

Была его солнцем ярким,

Но яркое солнце сокрылось вдруг.

Бахмаль...

Была его сердцем жарким,

Но жаркое сердце разбилось вдруг.

Бахмаль...

Была его взором радостным,

Радость затмилась кровавой мглой.

Бахмаль...

Была его словом сладостным,

Сладость сменилась отравой злой.

Бахмаль...

Была его думой чудесной,

Конец этим думам чудесным настал.

Бахмаль...

Была его звонкой песней,

Конец этим звонким песням настал.

Бахмаль...

Была святыней заветной,

Святыня заветная осквернена.

Бахмаль...

Была обителью светлой,

Обитель светлая сожжена...

Бахмаль...

Бахмаль...

Бахмаль...

— Сама я видела, — так через силу

Суюк-Момо говорить начала, —

Видела,

как это все случилось,

Видела страшные эти дела,

Как дочку единственную уводили

Из дома почтенной нашей Таши...

Острее копья и быстрее молнии

Этот безжалостный был корбаши!

Тщетно несчастная мать умоляла,

В слезах повалившись к его ногам:

«Ах, не губи!»

Ведь совсем молодая!♦ —

Рыдая, сгибалась она пополам.

В упор я глядела из-за ограды,

Но выведать надо:
В гости приедет ли сам Кенджа?
Выведать — да сообщить Ревкому,
Чтоб очутился волк в западне...
Опасное дело — скажу заранее,
Слушай внимательно: это заданье
ЧК тебе доверяет.
— Мне?!..
— Ты разве не наш?

Да к тому же местный.

Кому еще лучше тебя известны
Все люди здешние,
все пути?
Сказал я в Ревкоме,
что можно смело
Доверить тебе это трудное дело, —
Неужто захочешь меня подвести?..

Опешил Турсун...
Земля закачалась...
Как будто увидел свою судьбу
Глаза в глаза...

И кровью набухли
Жилы на помрачневшем лбу:
— Значит, Кенджа...
Кенджа, говоришь ты...
Теперь он уже под прицелом ЧК?
Конечно, согласен я...

Завтра с рассвета
Пойду кой к кому — постараюсь разведать
Про этих волков
да про их вожака!..

А у самого в глазах помутилось,
Сердце стучит — запаленный скакун...
Но скрипнул зубами:

«Эх, будь, что будет!

Еще поглядим, кто кого погубит!..»
Хх-а, вот нелепость!

Неужто должен
Себя самого изловить Турсун?

За дастарханом двое друзей —
Двое кучкаров*,

* Кучкар — бойцовый баран.

Двое оленей,
Готовых в яростном исступленьи
Ринуться в схватку с судьбой своей.

Суюк-Момо их беседу слушала,
Чай подливала погорячей.
Вдруг конь заржал.

И донесся из мрака
Протяжный свист — неведомо чей...

— Сейчас вернусь... Только гляну, что там! —
Вскочил Турсун.

— Да неужто они
Явились опять! — Суюк простонала. —
Аллах помилуй и сохрани!..

Шапку схватил, полушубок напялил
И скрылся Турсун.

А за ним Тапил
Кинулся к двери — глядит с порога
Во тьму, но друга и след простыл.

А мать в испуге к стене прижалась,
Топот ей чудится, крики вдали..
— О всемогущий, злым этим душам
Свет милосердия ниспошли!..

— Кому милосердья желаете, мама? —
Девичий голос раздался вдруг
За тонкой стеной.

— Тише, доченька, тише!
Что ты не спишь? — обернулась Суюк.
— Не станут они милосердными, мама,
Не стоит молиться за этих зверей!..
Лампа ли вспыхнула ярче?

В комнате
Сделалось сразу теплей и светлей.
Это Джилва из-за полога вышла,
Как из-за туч — молодая луна.
Совсем невестой стала сестрица —
Выросла умницей

да мастерицей.
Тревожно взмахивают ресницы,
Но в черных глазах отвага видна.
— Джилва, — сказал ей Тапил сурово, —
Явился опять этот жадный змей!
Где хочешь —
в подвале или в амбаре,

Спрятаться надо тебе скорей!
— Спрятаться надо?..
— Послушай брата! —
Вмешалась мать. —
Он не скажет зря!
Прячься!.. Выхода нет другого...
Не дай нам всевышний увидеть снова
Этого изверга —
зверя ночного.
Этого злого нетопыря!..

Вновь конь заржал.
Чей-то выкрик резкий...
— Турсун!.. Я должен ему помочь! —
Кожанку свою второпах надевая,
Рванулся Тапил
и, наган сжимая,
Бросился в дверь — провалился в ночь.
Так быстро умчался бесстрашный сокол,
Что крикнуть ему:
«Берегись!.. Не спеши!..» —
Мать не смогла,

а Джилва-сестренка
Еще не успела надеть кявуши *.
— Что ж будет теперь?..
Ты слышала, дочка? —
Суюк-Момо зашептала, дрожа. —
Когда Вахмаль несчастную брали,
Был выкрик такой же...
Это — Кенджа!
Да, это он...

И коня его ржанье...
Неужто, проклятый, явился опять?.. —
Выстрел!.. Еще!..
И в ущельях эхо
Раскатами катится грозного смеха...
Схватила платок
и во мрак зловещий,
Как в черный омут,
Кинулась мать.
Хлопает дверь, раскрытая настежь.
Посуда не убрана. Стынет очаг...

* Кявуши — вид крестьянской обуви.

Бежит Суюк по ночному селенью,
Бежит, задыхаясь, в морозный мрак.
«Сына отдайте!..
Отдайте сына!..»
Но горы молчат — им людей не жаль.
Лишь ветер свистит,

унося ее крики
В черную даль, безмолвную даль...

Каракишлак задыхался в кошмарах,
Всю ночь стонал

от вражьих копыт...
Бледный рассвет, наконец, забрезжил.
У Навдабулака —

на самом побережье —
В беспамятстве старая мать лежит.
Над ней — Джилва,
На ресницах слезы:
Исчез Тапил,

без сознания мать...
Где счастье — куда так быстро умчалось?
Где радость пропавшую отыскать?

Очнулась Суюк-Момо наконец-то:
Дома лежит — на постели своей...
Шепотом хриплым дочку спросила:
— Где мой сынок?

Говори скорей!
Что ж ты молчишь, дорогая дочка?
Хоть слово скажи... Нашелся?..

Убит?..—
Что скажет Джилва,

если все селенье
В страхе, в растерянности молчит!

Чуть позже, взволнованный и усталый,
Явился Турсун, на кошму присел.
— Нигде не нашли! —

вздохнул сокрушенно.—
Ведь я ж беречься ему велел...
Зачем я его одного оставил!..
Не плачьте, Суюк дорогая,—

добавил,—
Поверьте, отыщется ваш сынок!..

И вдруг будто острый взор соколицы
Из-под платка,
Сквозь густые ресницы
Глаза Турсуна в упор обжег.
Джилва...

Как стройна!

Глаза, омытые влагой слез!..
С жадным восторгом

на девушку глядя,

Как будто к месту злодей прирос.

«Так вот ты какая! —

мелькали мысли.—

Твой брат у меня в плену не уйдет...

Но ты...

Как забыл я про это чудо?..

Тебя любою ценой добуду,

Будь даже в небе луной — добуду!

Теперь, голубушка, твой черед...»

ИЗ ЦИКЛА «ГРАНИ»

1

Моему сердцу

Со мной ты делишь все: дни радости и горя,
Как самый близкий друг, живешь в моей груди.
Но знай: пока дышу, твоя мечта, споря,
Покою не проси и отдыха не жди.

2

Мечта

— Чего желаешь ты? — меня Мечта спросила,
Светясь передо мной, как чистая звезда.
— Хоть песнею одной, правдивой и красивой,
В народной памяти остаться навсегда!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Смерть бойца	3
Снова мчусь я к тебе	3
Слово старого чинара	4
Когда наступает вечер	5
На рассвете	6
Лунный родник	6
Тайна моих струн	7
О жизни и смерти	7
Три газели	8
Улицы	9
Думы у моего окна	10
Тысяча ступеней	14
Лопнувший бубен	15
Двадцать шесть	17
Тревожная ночь	18

ИЗ ЦИКЛА «ГРАНИ»

Моему сердцу	31
Мечта	31

Тураб ТУЛА

СЛОВО СТАРОГО ЧИНАРА

Редактор М. М. Жигалова.

Технический редактор О. Н. Ласточкина.

Сдано в набор 02.03.84. Подписано к печати 19.04.84. А 00359.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная
печать. Усл. печ. л. 1,4. Учетно-изд. л. 1,86. Тираж 95 000 экз.
Изд. № 1184. Зак. № 2352. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты
«Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

• **Занимайся физкультурой и спортом на стадионах, в бассейнах, во дворцах спорта, в группах здоровья и общей физической подготовки. Такую возможность предоставляет нам спортивно-числовая лотерея «Спортлото».**

Свыше 200 спортивных сооружений в больших и малых городах страны построено и реконструировано с помощью ее доходов.

Тиражи лотереи «Спортлото» проводятся по субботам. Каждый билет участвует в тираже двумя комбинациями номеров. Он считается выигравшим, если с результатами тиража совпадут не менее трех номеров в одном из вариантов. Выигрыши от трех до 10.000 рублей.

Желаем вам, дорогие друзья, удач в игре, успехов в физкультуре.

Главное управление спортивных лотерей Спорткомитета СССР